

Жизнелюбивая Заяра, дочь отца своего, Артема

С Заярой Веселой я познакомилась на недавней конференции, проходившей в Чусовом и посвященной истории сопротивления тоталитаризму в России.

- Обрати внимание, - сказали мне организаторы конференции. - Вместе с Семеном Самуиловичем Виленским, председателем общества «Возвращение», приехала дочь Артема Веселого. Не упусти случая!

Я и не упустила. О разговоре мы договаривались утром перед поездкой в музей истории тоталитаризма в Кучино, и Заяра Артемовна протянула мне небольшую книжку своих воспомина-

- Историко-литературное общество «Возвращение» образовалось в 1989 году. В основе его организации лежит... книга, которую собрал, составил и отредактировал С. Виленский, московский литератор. Очень интересная книга, называется она «Доднесь тяготет». Это слова Салтыкова-Щедрина, видимо, о крепостном праве. Он говорил примерно так: «Фабула эта поросла бьльем, но почему же она так явно выступает и сейчас перед глазами. Трагическое прошлое продолжает и доднесь тяготет над жизнью...» Так появился том воспоминаний женщин, которые сидели в лагерях, были в ссылке... Всего 23 автора - я была одним из них. Книгу эту в 1989 году издал «Советский писатель» стотысячным тиражом - и она мгновенно разошлась. А мы

в настоящем типографском исполнении, почему бы не издавать стихи таким вот способом? Я размножаю их на ксероксе, листочки складываю, прошиваю, а потом обрезаю. На каждой книжке - мой знак «ЗВ» - Заяра Веселая. Оформлять эти странички мне помогает моя дочь, художница. Серию назвали «Поэты - узники ГУЛАГа». Второй сборник получился тоже очень интересным, «Соловецкая муза». Так и пошло.

Мы как-то сразу решили, что будем издавать тех, кого никто, кроме нас, не издаст или издадут немного. У нас есть авторы, которые не печатались вообще или печатали все, что угодно, только не стихи. В частности, мы издали стихи Анны Барковой. Алек-

ний, названную «7-35»: это статья, по которой она попала в ссылку. СОЭ - социально опасный элемент, дочь врага народа...

Я открыла эту небольшую книгу, перелистала - и не могла уже оторваться: настолько интересными, живыми и поучительными были ее воспоминания. Природный оптимизм и самоирония - известный способ самозащиты - определяют их общую тональность.

Заяра Веселая сейчас - один из наиболее активных членов общества «Возвращение». С рассказа об этой ее деятельности и началась наша вечерняя беседа.

какое изощренное издевательство!

Вообще я была достаточно наивным человеком. Когда отца посадили, думала: «Лес рубят, щепки летят». Все виноваты - кроме моего отца, отца моей подруги, дедушки моей подруги, кроме дяди моего знакомого... И даже когда я сама уже села, то я тоже думала: «Наверное, все же многие сидят за дело». Хотя видела, что ни одна женщина в моей камере не была ни шпионкой, ни диверсанткой. Ну, значит, думала, в соседней шпионки и диверсантки. Более того, уже когда ссылка подходила к концу, когда умер Сталин, я рыдала...

- Заяра Артемовна, тюрьма, ссылка... Не потеряли ли вы веру в людей?

- Мне как-то всегда везло на людей. Просто везло. В том числе, и в ссылке. Вот пример. Из новосибирской тюрьмы нас повезли на берег Оби. Собралось там очень много народа - это был этап в ссылку. И тут произошла сцена. Привязался ко мне такой уголовник, явно выраженный, театральнейший... Грудь нараспашку, татуировка через всю грудь, золотой зуб блестит, кепка набекрень. Подходит и говорит:

- Что за река, ты знаешь?

- Обь. - Я испугалась, так послушно отвечаю.

- Правильно.

- А куда течет?

- На север.

- Правильно. А что с нами дальше будет, знаешь?

- Нет.

- А я тебе сейчас скажу. Сейчас погрузимся в баржу, нас в тайге высадят и скажут: «Стройтесь,

стотысячным тиражом - она мгновенно разошлась. А мы, ее авторы, решили продолжать работу, тем более, что к нам стали стекаться рукописи бывших лагерников. Решили издавать второй том, он практически готов и будет называться «Колыма»... Только вот денег нет пока на его издание.

Вообще же общество «Возвращение» объединяет узников советских и нацистских лагерей, не только советских граждан, а и участников европейского Сопротивления, которые оказались в наших лагерях: это и французы, и голландцы, и американцы... Мы также издаем их книги, выпущен, например, сборник «Голоса». Общество выпускает и свой журнал «Воля» - это журнал узников тоталитарных систем. Оказалось, что мы - по сути, единственное специализированное издание в мире, которое издает подобного рода литературу.

Заяра Артемовна, вы привезли на конференцию сборники стихов людей, прошедших ссылки и лагеря. Я вот вижу книжечку Васяля Стуса, украинского поэта и правозащитника, погибшего в Перми-36. По-моему, это первый его сборник на русском языке. А всего, я знаю, вы выпустили уже 28 таких книг...

- Все началось с того, что фонд Сороса подарил нашему обществу компьютер, лазерный принтер и ксерокс. И поначалу мне поручили ксерокопировать справки о реабилитации, разные документы... А потом случилось так, что умерла одна замечательная женщина, член нашего общества, Елена Алексеевна Ильзен (Грин). Грин - это фамилия ее мужа, который был американцем и сидел в нашем лагере. Елена Алексеевна литератор, переводчица, всю жизнь писала стихи, но никогда их не печатала. И вот после ее смерти муж обратился к нам, чтобы мы на ксероксе распечатали ее стихи для друзей и родственников. Тогда-то мне и пришла в голову простая мысль набрать эти стихи на компьютере и сделать книжечку. Самую первую. Так и родилась эта идея: раз у нас пока нет возможности издавать большие «кни-

жечки», то давайте их выдать в виде альбомов. И вот так появились альбомы стихов Анны Барковой, Александра Чижевского, всемирно известного ученого, которого называют «Леонардо двадцатого века»... Издали стихи Сергея Александровича Бондарина... До ареста у него вышло около десятка прозаических книг, но он всю жизнь писал и стихи. Его вдова рассказала мне, что перед смертью (а он сильно болел) муж сказал ей: «Если в доме будет пожар, в первую очередь спасай стихи!»

Михаил Фроловский. Поэт и художник... У него есть одно стихотворение, которое я часто вспоминаю. Вы ведь знаете, что в Москве на Лубянке стоит камень, привезенный с Соловков. Вот строки, написанные Фроловским в 1925 году.

Спит тюрьма. И тяжело дышит
Каждый вздох, тоска и стон.
Неподкупный камень слышит,
Богу все расскажет он.

Словом, каждая книжечка общества «Возвращение» - это судьба. Взять ли сборник Нины Гаген-Торн, Владимира Муравьева, знатока Москвы, председателя общества «Старая Москва» или Семена Виленского, председателя общества «Возвращение». Семен Самулович сел студентом в 48-м году, получил десять лет Колымы, был узником страшной Сухановской тюрьмы.

И каждая книга - это напоминание.

- Вы - дочь знаменитого советского писателя Артема Веселого, Николая Ивановича Кочурова. Два его наиболее известные книги «Гуляй Волга!» и «Россия, кровью умытая» не так давно были переизданы сразу двумя московскими издательствами - и мгновенно разошлись. Артем Веселый был расстрелян в 1938 году...

- Первой вещью отца была небольшая повесть «Реки огненные», она вышла в 1923 году и сразу обратила на себя внимание сочностью языка, богатством речи... Артем очень хорошо знал Волгу (его отец был волжским ключником), впитал народный дух, народный быт, народный язык... После первой книги он стал собирать материалы еще для двух - он обычно работал над не-

сколькими вещами, это и были его основные произведения.

Ваш отец был веселым человеком, судя по псевдониму?

- Я бы не сказала. Мы с моей старшей сестрой, Гайрой, думали об этом. Да ведь у него вначале был другой псевдоним - Невеселый. Потом еще целый ряд: Лаптев, еще что-то... Может быть, позже он взял псевдонимом «Веселый» в пику существующему, что ли, направлению, в противовес ему. Действительно: Горький, Бедный, Голодный - ну что все время жаловаться?! Он вообще очень любил звучные слова, имена. Взять хотя бы его имя - Артем. Вообще его редко звали по отчеству. Друзья вспоминают, что Артем был человеком очень прямым, иногда даже резким - и никогда не вилял хвостом. Говорил то, что думал. Так что я думаю, он был обречен.

Как-то официально объяснили причины его ареста?

- А никто ничего не объяснял. Пришли, арестовали, увели... Десять лет без права переписки. Расстреляли же его через год после ареста. У него была статья 58, пункт 10. Широкая такая статья была, «антисоветская агитация». Под нее можно было все что угодно подвести. Отец был человеком умным, все знал, все видел. Он понимал, что его скоро арестуют. Еще в 28-м году он напечатал так называемый «полурассказ» «Босая правда» в журнале «Молодая гвардия». За него журнал получил выговор от ЦК ВКП (б): «опубликование клеветнического рассказа». Та же формулировка появилась в 36-м году по поводу книги «Россия, кровью умытая». Он ведь писал правду о гражданской войне.

Вы хорошо помните отца?

- Да. Хотя он и развелся с моей матерью, у него была другая семья, но мы часто виделись: мы бывали у него, он приезжал к нам. А главное, мы встречались у бабушки, очень доброго и умного человека, она до семи лет воспитывала Гайру, первенца...

У вас такие необычные имена...

- Они придуманы отцом. Он давал всем своим детям такие имена - Гайра, Заяра, Фанта, была еще девочка, которую звали Волга.

Вашу маму арестовали вскоре после ареста отца?

- Нет. Вскоре после его ареста взяли его жену. Их детей, мальчика и девочку, отправили в детдом. Мою маму тогда не тронули - она была разведенная жена. Но и она не избежала ареста - в 48-м году. Она была медсестрой, тянула нас, двоих дочерей, давала нам высшее образование: сестра училась в университете на истфаке, я - в пединституте на филологическом. Конечно, материально было очень тяжело, и она подрабатывала: уколывала. А жили мы в комнате в коммунальной квартире на Арбате. И вот она как-то сказала по телефону пациенту, который пригласил ее делать уколы: «Постарайтесь достать американский пенициллин, он гораздо лучше нашего». А сосед по коммуналке донес и еще кое-что прихватил от себя. В совокупности маме дали десять лет - она сидела в мордовских лагерях.

А нас с сестрой взяли в конце апреля 1949 - через полтора года, в одну ночь. Никаких официальных объяснений предъявлено не было. Нам только объяснили что мы - социально опасные элементы. Сокращенно - СОЭ - статья 7, пункт 35.

Так вы и назвали книгу своих воспоминаний...

- Да. И по этой статье мы получили пять лет ссылки. Сестру отправили в Караганду, меня - в Новосибирск. Помню одно из ужасных потрясений, которые пережила. Нас выслали в Новосибирске на вокзал, велели построиться по пятеркам. Потом раздалась команда - и из вагонов прыгнули немцы, пленные, и тоже выстроились. Их поставили прямо перед нами - и нас - в одной колонне! - повели по улицам Новосибирска. Вот это-то и было для меня шоком, ударом. Вы поймите: недавно закончилась война, мы считали немцев исчадием ада - и вдруг я иду с ними в одной колонне. Нас сравнивали -

свидетельствами и строгими требованиями и разноможайтесь».

Так что, держись за меня, я буду косить, а ты брусницу носить. Ты знаешь, что такое брусница?

- Нет, - говорю.

А он:

- Это такая коробочка для бруска. Ну ничего, еще узнаешь.

У меня, конечно, коленки от страха затряслись, но тут к нам подошел человек - в черной шляпе и со скрипкой под мышкой - что-то «уголовнику» сказал - и тот как-то быстро удалился. Человек со скрипкой оказался Николаем Леонидовичем Билетовым, художником. Ему я буду благодарна до конца своих дней... Он отбыл 12 лет на Колыме, вернулся, был повторно сослан... Благодаря ему мы с моей подругой Майей Петерсон (она была дочерью коменданта Кремля) выжили. Его сразу взяли маляром на стройку, а он нас - подмастерьями. Жили туго, но с голоду не умирали: картошка была всегда, а молоко покупали...

Две совершенно незнакомые женщины в ссылке занимались со мной французским. Они делали это совершенно бескорыстно, чтобы поддержать моралью.

..Проговорили мы больше трех часов. Заяра Артемовна восхищалась красотой нашей природы (она сказала: «Рыжая шкура леса...»). Но главным событием поездки все же стало посещение Музея истории тоталитаризма в Кучино, барака особого режима бывшей Перми-36. Зоны, в которую люди попадали только за то, что смели думать.

Сборник Васяля Стуса, погибшего здесь, изданный обществом «Возвращение» открывается коротким стихотворением:

**Средь щебета тюремных
воробьев
почудилось - синичка
завучала,
и тонко-тонко начала прятать
тугою нитку боля. Из-под снега
весенний так струится ручеек.**

ДОДНЕСЬ ТЯГОТЕЕТ...

Татьяна ЧЕРЕПАНОВА.

Фото Я. ЗЫКОВОЙ.